

вавших органов власти (Чеченская республика осенью 1991 г.). Динамика массовых настроений была связана с быстротой перехода к осозанным радикальным мнениям, практическим оценкам и экстремистским действиям (от до-вербального переживания к вербальному притязанию, затем к принципиальному убеждению в правильности установки и последующему действию) [8].

В Ленинграде первыми по времени появления можно считать правозащитные движения, потом движения в защиту памятников культуры, а в республиках – в защиту национальной культуры (как правило, титульного этноса). Они отражали радикальные настроения в отношении норм и традиций советского времени.

Главным фактором распада Советского Союза был национально-территориальный принцип формирования федерации, который отстоял в 1922 г. В.И. Ленин. Не меньшее значение в процессе разделения республик имел сепаратизм, идеи которого охватили не только титульный этнос каждой республики, но и часть русскоязычного населения.

Политическая социализация в сочетании с появившимися новыми политическими институтами явно опережала экономические преобразования и формирование правовых установок. Прямым результатом такого процесса стало поражение правящей партии и разрушение политической системы под ударами радикальных движений гражданского общества, которое проходит свой процесс становления, свой «инкубационный» период.

Источники и литература

1. Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. – М., 1993. Сс.275-280, 283-285, 287-302.
2. Шестопад Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. - М., 2000. С. 75-80.
3. Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. 2-е изд. – СПб, 2002. С. 150-153.
4. Гозман Л.Я. Психологические аспекты торможения социальных изменений // Вопросы психологии. 1988. № 6. С. 8-9.
5. Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. – М., 2001. – С. 208-216.
6. Шестопад Е.Б. Указ. соч. С. 160, 173.
7. Маслова А.Г., Маслова О.А. От социального конформизма к политическому участию // Вестник МГУ. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1992. № 2. С. 30-31.
8. Ольшанский Д.В. Массовые настроения в политике // Политика: проблемы теории и практики. Вып. VII. Ч. 1 / ИНИОН АН СССР; Ин-т молодежи / Отв. ред. С.В. Братчиков. - М., 1990. С. 111-113, 115-116.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ МАНИПУЛЯЦИИ

Орехов А.М.

г. Королев-10. Россия

Термин «интеллигенция» в русском языке имеет следующее значение: это группа людей, активно занимающаяся духовным, творческим преобразованием окружающей их социальной среды и проповедующая высокие нравственные идеалы и принципы. С этой точки зрения, далеко не всякий интеллигент (лицо, занимающееся интеллектуальным трудом) является интеллигентом. И, наоборот, для того, чтобы быть интеллигентом, вовсе не обязательно принадлежать к социальному слою интеллигентов. Результатом подобного подхода явилась интерпретация западного «интеллектуала» как просто «ремесленника умственного труда», сосредоточенного в основном на собственных, а не на общественных целях. Русский «интеллигент», в противовес ему, посвящает себя служению всему человечеству и готов даже ради этой жертвовать личным благополучием. Но, как правило, окружающее его общество не понимает и не принимает этой жертвы. «Царям земли напомнить о Христе», таков, по выражению Н.А. Некрасова, долг русского интеллигента.

Манипуляция – это процесс, при котором субъект манипуляции всегда стремится к тому, чтобы адресат (объект) манипуляции сам признал внушаемые ему идеи, мотивации, действия единственно правильными для себя, и, таким образом, принял нужное манипулятору «самостоятельное» решение. Таким образом, в сознании адресата манипуляции создается двойная иллюзия: во-первых, что действительность такова, какой ее изображает манипулятор, и, во-вторых, что социальная и психическая реакция на эту действительность зависит от усмотрения самого адресата манипуляции.

Интеллигенция может выступать как в качестве субъекта, так и в качестве объекта манипуляции. Как объект она подвергается манипулятивному воздействию со стороны других социальных групп и классов, – так или иначе усваивая их идеологии и ценности. Но следует заметить, – за счет факторов образования и квалификации, – интеллигенция является социальной группой, которая в максимальной степени способна сопротивляться манипулятивному воздействию на нее, – причем даже тогда, когда иные социальные группы полностью принимают данное манипулятивное воздействие.

С другой стороны, интеллигенция также может быть субъектом манипуляции, – прежде всего, вследствие того, что она вырабатывает идеологию и ценности. Многие профессиональные группы, входящие в нее (например, преподаватели, учителя) вынуждены это делать *в силу своего положения*, но при этом их возможности сильно ограничены рамками учебных планов и должностных инструкций. Однако в интеллиген-

ции существуют три профессиональные группы, чьи возможности в сфере манипулирования значительно превосходят возможности других профессиональных групп.

Юристы, главная цель которых – создавать, комментировать и интерпретировать правовые нормы, а также защищать или обвинять людей в процессе практического применения этих норм, могут весьма глобально оперировать известной им правовой информацией, и, пользуясь незнанием или неведением других субъектов правового пространства, навязывать этим субъектам нужные им лично (или некому «заказчику») мнения и представления. Впрочем, два из них уже давно внушены всем иным группам и классам: 1) «юристы нужны обществу и как можно в большем количестве»; 2) «юристам надо хорошо платить, иначе общество окажется в убытке». Впрочем, из всех возможных манипуляций – это самая, пожалуй, безобидная, а в чем-то даже полезная. Куда хуже, когда юристы начинают открыто уходить от всякого объективизма, беспристрастности и честности, и защищать интересы богатых и сильных (тем, кто им хорошо платит), – в ущерб интересам бедных и слабых. Для современной России – это не просто норма, а норма, которая *de facto* стала «правовой нормой». «Уровень манипулятивности» в юридической практике чрезвычайно высок для нашей страны, и борьба за его понижение – это как задача самых юристов (тех, кто еще не поражен этим вирусом), так и иных профессиональных групп (ученых, преподавателей, экспертов, журналистов и т.п.).

Журналисты – это профессиональная группа с наиболее ярко выраженным стремлением манипулировать информацией, или иначе, использовать возможности манипулятивной интеллектуальной собственности. Журналисты, по выражению российского исследователя А.С.Панарина, это – «герменевтики, расшифровывающие смысл происходящего»: мы всегда имеем перед собой мировые и российские события, преподнесенные с точки зрения того или иного конкретного медиа. Здесь у журналистов открываются беспрецедентные возможности для того, чтобы манипулировать знанием и информацией, преподнести ее с нужной им как профессиональной группе, или какому-либо социальному заказчику позиции¹. Принципы нейтральности, взвешенной оценки событий, беспристрастности нарушаются ими буквально на каждом шагу, – однако, почему-то в среде журналистов это считается за общепринятую норму поведения. Экономические возможности этой группы почти во все времена были гораздо лучше реализуемы, чем у большинства иных интеллектуальных групп, что позволяло подавляющему большинству журналистов по своим доходам быть, как минимум, на уровне среднего класса.

Экономисты – еще одна группа, склонная к активному использованию манипулятивной интеллектуальной собственности, – хотя, возможно, в меньшей степени, чем две другие (юристы и журналисты). Но именно к этой группе больше всего подходит нелестный эпитет «интеллектуальная услуга бизнеса», употребленный нами в предыдущем параграфе. Именно в этих двух констатациях можно обнаружить своеобразный «парадокс существования» этой группы: с одной стороны, вследствие высокого уровня рациональности и эффективности экономического знания (и вытекающей из этого возможности его верификации) она стремится поставлять на рынок максимально достоверную информацию и избегать любых манипуляций с ней, но с другой стороны, она вынуждена эту информацию в той или иной степени *искажать*. Искажение налоговых деклараций, финансовой отчетности, тех или иных макроэкономических или микроэкономических показателей, заведомо манипулятивная деятельность в сфере *public relation*, – с целью оказания давления или получения каких-либо выгод, – это лишь немногие возможные пути, по которым движется манипулятивное сознание экономистов. Но результат тот же, что у манипулятивной деятельности юристов и журналистов.

Таким образом, интеллигенция может выступать и как субъект, и как объект манипуляции. Но, если как объект манипуляции, она может ей активно сопротивляться, то как субъект она включает в себя три профессиональные группы (юристы, журналисты, экономисты), чьи возможны для манипулятивного воздействия на других почти ничем не ограничены.

РАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО СОГЛАСИЯ

Шевченко А.А.

г. Новосибирск. Россия

Плюрализм интересов и ценностных установок, характерный для гражданского общества, затрудняет достижение гражданского согласия. На практике основания такого согласия часто ищут в символических формах (например, пересматривая государственную символику) или в общих ценностях (например, стимулируя поиски объединяющей национальной идеи). При этом часто упускается из виду еще одна возможность, о которой могут и должны напоминать философы. Это обращение к разуму, рациональным основаниям кооперативного поведения, напоминание о том, что быть рациональным не только должно, но и выгодно. И выгодно, прежде всего, для реализации таких проектов и целей, которые могут быть достигнуты только совместными усилиями, на основе сотрудничества и, что очень важно, взаимного доверия.

Этих целей недостаточно добиться чисто процедурным путем, посредством рационального устройства

---

¹ Назовем *любимые шаблоны (темы и приемы)* журналистов, где они манипулируют информацией, искажая ее в угоду своим профессиональным интересам: 1) сетования на бедность, социальную и политическую незащищенность журналистов; 2) преподнесение любых событий в области СМИ как событий первостепенной важности; 3) раздувание темы «преследование журналистов»; 4) акцентированное словесное давление на индивидов и групп, в чем-то не угодившим журналистам.